Творчество М. Горькаго.

Исполнилось 45 лѣтъ Максиму Горькому. Дата эта почему-то не считается юбилейной, Но отмѣтить ее безусловно должно. Въ грустные дни всегда особенно хочется утѣшенія и радости. А сейчасъ въ живой русской литературѣ, думается, нѣтъ большаго праздника, чѣмъ день сорокапятилѣтія Горькаго. Вѣдь, это уже почти старость, а, скажите, кто, думая о Горькомъ, представитъ его себѣ пожилымъ, «маститымъ, установившимся? Кто скажетъ, что онъ—на закатѣ своего творчества, на ущербѣ своихъ исканій и достиженій? Много и часто разные досужіе гробовщики отъ литературы провозглашали «конецъ Горькаго!» Зычно и настойливо, нестройными голосами пѣли реквіемъ этому большому писателю, кропали некрологи, пытаясь выдать скрипъ своихъ перьевъ за глухіе удары молотка, заколачивающаго гвозди въ гробъ горьковскаго творчества. И иногда добивались этого. Бывали моменты, когда Горькій оказывался «не у дѣлъ». Всплывали новые божки, расцвѣченные признаніемъ критики и поклоненіемъ публики. Являлись съ барабаннымъ боемъ и претензіей, забрасывая литературу «дерзаніями», «красочными пятнами», «вопросами пола» и всей прочей самоновѣйшей модой момента.

Но Горькій возвращался. Съ далекаго Капри вновь и вновь приходили произведенія писателя, трудно и горячо думающаго самыя завѣтныя думы своей родины, и приносили согрѣтыя ласковой вдумчивостью и большою любовью пытливыя, будоражащія, напряженныя мысли. И какъ-то особенно хорошо становилось отъ того, что живетъ и творитъ еще изъ своего «прекраснаго далека» этотъ капрійскій изгнанникъ, упорно стоящій внѣ событій литературной моды, не вмѣщающійся въ рамки большихъ и малыхъ литературныхъ толковъ, идущій своимъ непроторенымъ, крутымъ и обрывистымъ путемъ.

И послѣ многихъ ложныхъ похоронъ судьба сберегла его Россіи. Горькому 45 лѣтъ. И нѣтъ въ немъ ни признака усталости, творчества, ни тѣни охлажденія души. Все тотъ же онъ буйный, горячій, неуемный, единственный и неповторяемый въ русской литературѣ, трубадуръ и пылкій рыцарь жизни, солнца, радости, вѣры въ человѣка, страстный апологетъ и минестраль человѣческой личности. Такимъ двадцать лѣтъ назадъ онъ пришелъ въ литературу, такимъ въ корнѣ своемъ переваливаетъ онъ и за вторую половину пятаго десятка своей жизни.

I.

Горькій явился въ сумеречную атмосферу настроеній русской литературы, какъ «беззаконная комета въ кругу расчисленномъ свѣтилъ». Явился—влюбленный въ жизнь, съ широко раздувающимися ноздрями, жадно вбирающими и острый пряный запахъ моря, и жирныя испаренія земли, съ острыми, немного волчьими глазами бродяги, видящаго зорко и далеко, съ неизжитой, страстной жаждой жизни. Интеллигентская рефлексія и гамлетство, хмурая схима-схема Успенскаго, муки уязвленной совѣсти кающагося дворянина и уколы возмущенной чести разночинца невѣдомы ему. Онъ пришелъ делегатомъ отъ новаго класса, только вступающаго въ историческую жизнь, свѣжаго и бодраго, какъ молодость, упругаго и гибкаго, какъ сталь. Усталости въ немъ нѣтъ. Ужасами жизни его не запугаешь. Онъ все извѣдалъ. Перебывалъ въ поварятахъ на пароходѣ, продавалъ квасъ въ Нижнемъ, былъ пекаремъ въ крендельномъ заведеніи, исполнялъ должность желѣзнодорожнаго сторожа въ Царицынѣ,—мыкалъ горе по всей Россіи. И изъ всего вынесъ еще болѣе страстную жажду жизни, нашелъ въ своемъ голосѣ не обычно минорные, тоскливые, но мажорные и звонко-радостные тона. Что-то утреннее, полное надеждъ, бьющаго ключемъ оптимизма было въ его появленіи. Въ пессимистическую, проникнутую духомъ отчаянія и невѣрія литературу эпохи общественнаго мѣщанства Горькій внесъ живую, бодрящую струю вѣры въ жизнь, вѣры въ силы человѣка.

«Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что въ ней только язвы да стоны, горе и слезы! Въ ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и свѣтлое, чарующе красивое. Въ ней есть все, что захочетъ найти человѣкъ, а въ немъ—есть сила создать то, чего нѣтъ въ ней! Этой силы мало сегодня,—она разовьется завтра! Жизнь—прекрасна, жизнь—величественное, неукротимое движеніе ко всеобщему счастью и радости. Я вѣрю въ это, я не могу не вѣрить въ это! Я прошелъ тяжелый путь... никто изъ васъ и даже всѣ мы вмѣстѣ не знали столько горя, страданія и униженій, какъ я зналъ! О, да, я—зналъ!.. Но—жизнь прекрасна!..» Такъ говоритъ Шебуевъ въ «Мужикѣ». Такъ прозвучали и слова самого Горькаго въ литературѣ. И это было такъ необычно, какъ ново и хорошо.

«Жизнь прекрасна!» У кого изъ русскихъ писателей найдете вы этотъ захлебывающійся радостью, категорическій, безъ оговорокъ и надрыва возгласъ? Традиція русской литературы полна, то ненавистью, то страхомъ, то вымученной, наполовину патологической «любовью» къ жизни, любовью, язвительно доведенной Андреевымъ до знаменитой «формулы желѣзной рѣшетки». А Горькій любитъ жизнь самимъ нутромъ своимъ такъ же просто и естественно, какъ «дышетъ ночная прохлада, какъ таетъ черняя мгла». Въ этомъ онъ единственный, неповторяемый, по своему враждебный традиціи «скорбничества», бунтарь противъ нея.

Именно бунтомъ и были первыя произведенія Горькаго, бунтомъ противъ интеллигентскаго пессимизма, самоотреченія, душевной дряблости, безсилья. «Нижегородскій мѣщанинъ Алексѣй Пѣшковъ» пошелъ одинъ противъ теченія, противъ всей литературной традиціи. Пошелъ легко, чуть-чуть напруживъ грудь, какъ бурлаки подъ бичевою на Волгѣ, задорно, беззаботно и весело. И этотъ бунтъ не надуманный, головной, но въ то же время и не просто озорный: то просилось наружу «буйство бытія», брызжущее изъ инстинктивно утверждающей жизнь натуры. Горькій не понималъ ужаса передъ жизнью: творческая воля сильнаго человѣка для него выше жизни, могучѣе ея. Нужно только выпрямить человѣка, выявить всю силу, мощь и гордость, заложенныя въ немъ отъ вѣка. Тогда встанетъ новый человѣкъ, сильный, свободный, тогда не только «на днѣ», но и по всей вертикали людской жизни прозвучитъ возгласъ Сатина: «Человѣкъ! Это звучитъ гордо!»

II.

Знамя человѣка несетъ Горькій. Въ этомъ знамени для него все: и мораль, и смыслъ жизни, и красота ея, и просвѣтъ въ лучшее будущее. Жизнь скучна и сѣра только потому, что «большинство людей—пятачки, ходовая монета... и вся разница между ними въ годахъ чеканки. Этотъ стертъ, другой—поношенъ, но цѣна имъ одна, матеріалъ ихъ одинаковъ и во всемъ они тошнотворно схожи другъ съ другомъ» («Проходимецъ»).

Только яркая, «цвѣтная» личность краситъ міръ. Личность ничего не боящаяся, жадно любящая жизнь, впитывающая въ себя всѣ краски, тона и звуки бытія, живущая «во всю», «во всѣ стороны». Ибо—

...Хочешь жить, будь смѣлѣй,
Страхъ и жалость отбрось!
Только сердце свое ты жалѣй,
Только съ нимъ не пытайся жить врозь!

А вмѣсто этого мы сами сковали себѣ цѣпи, опутали сѣтью условностей каждый естественный порывъ, покорно склонились передъ слѣпой силой необходимости. «Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ... Человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни; утратилъ онъ гордость своимъ первородствомъ, преклоняясь передъ фактами, не такъ ли? Изъ фактовъ, созданныхъ имъ онъ дѣлаетъ выводъ и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ. И, подчиняясь этому закону, онъ не замѣчаетъ, что ставитъ себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни, въ борьбѣ за свое право ломать, вмѣсто того, чтобы создавать...» Человѣкъ—самъ себѣ законъ. Нужно только «самому противъ себя не спорить. Коли кто противъ тебя заспоритъ, пиши—пропалъ человѣкъ». Отсюда аморализмъ Горькаго, его культъ сильной, яркой личности, гибкой, упругой, пылкой, пожалуй, жестокой, страстной, лихой, задорной. Ибо въ человѣкѣ должно быть все, что только свойственно натурѣ человѣческой. Человѣкъ—машина, односторонній, весь сосредоточившійся на одномъ,—жалокъ и убогъ, будь онъ даже великъ и геніаленъ въ своей узкой области. «Канты и Спинозы—только огромныя головы, Бетховены—только изумительно развитые уши и пальцы. А жизнь хочетъ гармоническаго человѣка,—человѣка, въ которомъ интеллектъ и инстинктъ сливались бы въ стройное цѣлое. Нуженъ человѣкъ, всѣ способности котораго были бы приведены въ строй равномѣрности и, одна другую оттѣняя, всегда всѣ и всегда гармонически откликались бы на каждое впечатлѣніе бытія».

Въ такомъ гармонически цѣльномъ человѣкѣ—будущее человѣчества. Но пока еще Горькому до человѣчества дѣла мало. Онъ—индивидуалистъ до мозга костей. Его герои носятъ волчій обликъ. Каждый изъ нихъ, какъ пушкинскій Алеко, «для себя лишь хочетъ воли». Обществу они враждебны. Они—одинокіе гордецы или «бывшіе люди», порвавшіе съ обществомъ. Въ гордомъ одиночествѣ ихъ сила, въ разладѣ съ до корня мѣщанской среды—ихъ красота. Ихъ пѣвцомъ и былъ Горькій. Какъ «стихъ, облитый горечью и злостью», бросилъ онъ этихъ «отверженцевъ», изгоевъ въ самодовольное лицо эпохи общественнаго мѣщанства и изъѣденную рефлексіей интеллигентскую душу. И ударъ попалъ въ цѣль.

Ну, а дальше? На этомъ «возражательствѣ» нельзя было застыть. И Горькій медленно, но неуклонно шелъ по пути сліянія правъ личности съ интересами коллектива.

III.

Въ его крайнемъ индивидуализмѣ появляются оговорки. Облюбованное имъ босячество онъ уже очень скоро раскусываетъ, подчеркивая его фатальную импотентность въ области творческой созидательной работы. А истерически-индивидуалистическіе выкрики Петра Безсѣменова противъ общества онъ сопровождаетъ своеобразнымъ аккомпаниментовъ: Тетеревъ вторитъ имъ протяжнымъ, густымъ погребальнымъ звономъ... И теперь Горькій уже знаетъ, что наша жизнь, субъективно самоцѣльная, неотдѣлима отъ могучаго теченія всей жизни, которая есть «величественное, неукротимое движеніе ко всеобщему счастью и радости». И старичекъ Лука собственныя горьковскія слова говоритъ: «Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, анъ выходитъ, что для лучшаго... Всѣ, милачокъ, есть, для лучшаго живутъ!»

Все творчество Горькаго теперь ціальныхъ мотивовъ. Онъ вплотну къ самымъ больнымъ проблемамъ ни, къ мужику и рабочему, къ инт и мѣщанину, каждой своей повѣсть центръ вопроса съ совершенно неж роны. Съ безстрашіемъ любви кас мыхъ жуткихъ сторонъ жизни, т которыя ужасомъ и отчаяніемъ на ши другихъ, и отходитъ отъ нихъ с рячею вѣрою въ жизнь, счастье, лю принесъ съ собою двадцать лѣтъ на живъ вмѣстѣ со всѣми уроки стра онъ начинаетъ свою повѣсть о пор деревнѣ бодрыми, простыми, слов словами: «Съ праздникомъ, великій родъ! Съ воскресеніемъ близкимъ,

Неисчерпаема и неискоренима е горячая вѣра въ жизнь. Вотъ т «Мать»—безгранично трогательную, ненную во весь свой огромный ро подъема рабочей души. Вотъ въ ...вѣствуетъ онъ о религіозныхъ иска героя, который, какъ тургеневскій Красивой Мечи, «по мѣру бро ищетъ». Вотъ въ «Городкѣ Окуров какъ «затѣйливая игрушка на ш щенной ладони», воплощаетъ онъ в подъемъ и смуту революціоннаго п онъ не мажетъ розовой краской, румяниваетъ жизнь. Онъ—реалистъ страшнаго много въ его картинах наго, злого, торжествующе-пошлаго тетъ его печальная искренность, н етъ къ землѣ. И, прочитавъ самую повѣсть, какъ-то не чувствуешь самъ присоединяешься къ неожидан ному возгласу: «Съ праздникомъ, скій народъ. Съ вокресеніемъ б лый!»... Почему это такъ? Это— каго. Радостный, счастливый, чуд который шепнула въ день его ду нія судьбу ему на ухо. И въ нашу тоскливую, жуткую, не умѣющую грустную пору, что-то безграничн есть въ живомъ Горькомъ, верну дину, ставшемъ лицомъ къ лицу Горькій не на ущербѣ еще. Онъ вершинамъ. Похоронить его зажив день его 45-лѣтія одинъ только по адресу этого большого писате въ жизнь, чтобы, любя, учить лю въ этомъ мірѣ: «Да здравству («Утро Юга»).